
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

ОСЕННИЕ ПЛАЧИ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление». Лауреат многих международных литературных премий, в том числе им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. С. Есенина, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. В. Пикуля (все — Россия) и др. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. В 2016 году стал лауреатом всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, *милай?*.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
—Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несу...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Кольшущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времен,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее,
Такою ненастной порой,
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймешь — все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Капнет слезинка, плавно двоя
Дали косые.
Это Россия, *други моя*,
Это Россия!

Тусклый пейзажик, хоть и уныл,
Неба раздольней.
Как не поверить шелесту крыл
Над колокольной?

Как не поверить шумной гульбе
В домике нищем,
Как не поверить черной трубе
Над пепелищем?

Тощий багульник... Вялый вираж
Птицы над пожней.
Поздно... Возница выпивший наш
Едет порожний.

Едет, обиду в сердце тая,
Согнута выя.
Это Россия, *други моя*,
Это Россия...

* * *

Спасти небесную Россию
От одноимцы земной,
Где тоже льют дожди косые
И воздух в сумраке грибной.
И так же можно выйти в сени,
Достать из бочки огурец...
Там так же помнят, что Есенин —
Не для парада — для сердец...
И все же вся она другая —
Без той высокой чистоты,
Что в душах светлое являет,
Творя иконы и холсты.
Она еще патриархальной,
Чем та, что горьковской сродни —
Грязнее дном, судьбой печальней,
Страшней призывом: «Очерни!..»
Она давно привыкла к смуте,
К тому, что порют за пустяк —
При лже-Димитрии, Малюте,
При Годунове... Но ведь как?..
Из русских русскость вышибая,
Наотмашь, истово, захлеб,
По-русски песни распевает,
Совсем по-русски крестит лоб.
И про «авось» воскликнет спяну,
И выпьет «горькую» до дна...
Но та, что в небе — осиянна,
А эта — злобна и мрачна...

* * *

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
В омут канула последняя звезда,
Это мне ли пред судьбиной неминуемой
Все считать-читать ущербные года?

Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
За пригорком тропка в мокрое свернет,
И шальной седок умчится в редколесье,
Редко-редко, но улыбкою сверкнет.

В буреломе трава-травинушка не гнется,
Бурелом для трын-травинки — трын-трава.
Сизый селезень картаво захлебнется,
И от мрака просветлеет голова.

А потом, когда устало-тало-тало
Небосвод повеселеет ввечеру,
Осенит — таких мгновений очень мало,
Когда Русь не призывают к топору.

Просто дождичек прошел в Руси великой,
И не нужно никому на смертный бой.
И Отчизна Несмеянойсветлоликой
Просияла в красном красною красой.

Просто огненно теперь на белом свете,
Вновь пичугами затенькали сады.
Лады-лады-лады-ладушкины дети
Запоют на все веселые лады.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ПОЗДНИЕ ЗВОНКИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, зав. отделом поэзии всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

Если друг к ночи станет звонить,
Чтоб печальную душу излить,
Я отвечу ему: «Дорогой!
Расскажи, что случилось с тобой?!»

А досужие станут звонить —
Просто так, фимиам покурить:
«Здесь живет знаменитый поэт?»,
«Нет,— скажу,— знаменитого — нет!»

Если женщина станет звонить,
Предлагая постель постелить.
И любовь посулит до утра...
«Поздно, дочка,— скажу,— спать пора!..»

А как вздумает враг позвонить,
Чтоб ужалить, кольнуть, обхамить...
Черта с два, обломается он:
Отключу, отключу телефон!..

Иван Тимченко
(г. Москва)

Член союза писателей России, Академии российской литературы и Международной Академии духовного единства народов мира. Автор поэтического сборника «Я навеки помолвлен с Россией», публикаций в Антологии современной поэзии, в альманахе «Московский Парнас», в периодических изданиях в России и за рубежом. Родился 15.08.1941 года под Сталинградом в междуречье Волги и Дона.

РОДИМЫЙ ПРИЮТ

Я навеки помолвлен с Россией,
С тихой ранью и вешней водой,
С небом Родины, синим-пресиним,
Над пшеничной моей стороной.
С горькой — горькою веткой полыни
У могилы, до боли родной...
На бескрайней, заснеженной шири —
Здесь покоится мой покой.
И когда побреду я изгоем
Либо странником возвращусь,
Ее хляби с промозглым простором —
Все, за что я так крепко держусь.
Бессеребренники простые
И родимушки русской земли —
Собери же ты нас, Мать — Россия,
Всех отверженных, всех собери!
И когда в жарких избах под вечер
Души стылые чуть отойдут,
К образам мы поставим свечи
За твой отчий, родимый приют.

СОРОК ПЕРВЫЙ

Мне скорой смерти
 из любви желали,
Когда в запекшейся,
 пороховой степи
Родился в сорок первом
 на привале,

ОТЧИЙ КРАЙ

По дороге, забытой вдоль оврага крутого,
По траве-мураве, обветшалою в степях,
Раскатились яблоки из навечно брошенного,
Одичалого сада на донских ветрах.

Здесь родная прогорклая сохнет земляца,
И левады по пояс бурьяном поросли.
Пообрушились срубы на ветхих криницах,
В разоренную землю полегли ковыли.

Лебеда лишь жиреет на бывшем подворье,
Где телега и утварь — никому не нужны!
Словно вымерло все — это бранное поле
Озверелой, кровавой, тотальной войны.

По безлюдью гуляют дожди грозовые,
И могилы отцов поравняла земля,
И бездомные души — дорогие, родные,
Воют в трубах печных, домового зовя.

Отчий край ископытила сплошь кобылица
В диком беге и сшибе безумных атак.
От Христа, от земли, от родных откеститься
Всех принудил «во благо» идейный вожак...

Только благо ушло, стыннут белые кости,
Да татарник колючий сторожит эту стынь.
Оттого ли на этом бескрайнем погосте
Соки горькие льются в седую полынь?

СПАС

Спас-на-Крови!

В недоле сельской —

Церквушки, храмы на Руси:

Христа распял народ библейский,

А крест Его Руси нести.

Тяжелый крест! Русь от натуги

Вся почернела, извелась,

Стянули ей живот подпруги,

Плетьми охаживает власть.

Народ библейский

властью правит,

Чтоб Русь распять, как и Христа...

Кого же нынче в церкви славят,

Чья кровь на золоте креста?!

Олег Сенин
(г. Тула)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ «ПЛЕНЕНИЕ»

Сенин Олег Михайлович — человек необычной судьбы. С 17 лет он посвятил себя нелегальной деятельности, имевшей целью реформирование существующего строя. В итоге в 1970 году был приговорен к 9 годам лишения свободы как руководитель Саратовской антисоветской студенческой организации. В 1991 году Олега Сенина реабилитировали. Годы заключения обернулись полной утратой зрения. Однако неволя, лишения и слепота не сломили его, но, напротив, способствовали жизненной закалке и целеустремленности.

Пережив в лагере обращение к вере, Олег Михайлович ныне занимается просветительской, преподавательской и литературной деятельностью. Он известен как церковный проповедник и миссионер, является автором четырех книг и персонажем более десяти телефильмов. В его творческом диапазоне проза, поэзия, публицистика. Будучи магистром богословия, преподает в духовной семинарии. Дважды избирался депутатом Тульской областной Думы. У Олега Михайловича трое детей и семеро внуков.

Более полную информацию об авторе можно получить на сайте www.olegsenin.com.

В этих стихах, написанных в Дубравлаге, в выстраданной скрутке сплелись воедино любовь к родной земле и богоданной женщине, жгучая тоска узилища и крошечный лампадный огонек надежды. И, наконец, истовая сопричастность высокому строю дум и чувствований, которыми отмечен крестный путь Руси, ее Голгофа и ее ожидаемое воскресение.

БЕДА

Так трудно начался пресветлый октябрь,
Тебя подаривший варяжскому сыну.
Княжна милоликая, ты не повинна,
Что озими нежные в поле прозябли
И жизнь раскололась на две половины.

Княжна, утешенье мое и надежда,
Взметни свою белую руку к поводьям.
Зловещи над Клязьмой заката разводы,
В крови и порубах на милом одежды,
И ладо твоё печенегу уводят.

Гривастых коней неудержная стая
Любовь и отвагу над степью проносят,
От топота ломаются в заросли лоси.

Слезам и росам пыль прибывая,
Торопит погоню союзница-осень.

ЗАТОЧЕНЬЕ

По рукам и ногам — кандалы неподъемные,
Стены силятся вспомнить закатные блики.
Твои губы в улыбке, до любви неумные,
Сиротеющей ночью заходятся в крике.

А снаружи, к стенам, распокрытая осень,
Обласкавши подножья родных мне осин,
Паутину земли святорусской приносит
И заплаканных глаз твоих кроткую синь.

Тихих улочек наших расписные покои
До зазимков роднит листопадная гладь.
Но все золото их той улыбки не стоит,
Что в венчальный октябрь мое сердце зажгла.

Встань зажженной свечой над темничною мглой
Замоли, отведи, все небесные кары...
Все прошито разлуки железной иглой,
И мне целую вечность стонать и пластаться на нарах.

* * *

Ты прошепчи,— ты крикни,— я приду
И поддержу огонь, что на исходе.
Ты видишь: осень клином ввысь уходит,
И жить начертано нам на роду.
Изнемогают чуткие ладони
От прежней нежности прикосновений,
Волос и глаз твоих чудотворенье
Меня влекут к тишайшей речке Проне...
Но безвозвратны даты упоений,
И ветер по свету листву сырую гонит.

ЗОВ

Перекасти то поле дикое венком,
Взлети на крик мой тошный серой утицей.
Не приведи полжизни пролежать ничком,
Я знаю, верю, у тебя получится.

* * *

Душа молчит, ей нечего сказать
Твоим глазам, взыскующим ответа;
Я в их чертог вошел как тать,
Миную ангела Небесного Совета.

Вот отчего тоскуют небеса
Над влажной охрою листвы опалой.
Грехов тех лет на глупость не списать,
И мысль гнетет, что дал тебе так мало.

Жить хочется, не зарекаясь впредь.
Но совесть не молчит и не прощает.
И больно знать, что вся земная твердь
Твоей тоски сиротской не вмещает...

ТОСКА

Мне б камнем разбиться
И, в пыль обратясь,
К тебе устремиться,
Чтоб вдруг, в одночасье
Ничтожной пылинкой,
Крупницей любви
Слезинкой скатиться
На щеки твои.
И в слезном сиянье
Стоцветным алмазом
Тоску расставанья
Отсечь одним разом!

* * *

Посреди моей дремной земли,
Где-то близ Покрова-на-Нерли,
Ты мне видишься малой росинкой,
Той еще не просохшей слезинкой,
Что в печали Господь обронил.
Вдалеке, под дождливым навесом,
Я своим золотым отвесом,—
Всем, чем здесь на земле дорожу,
Тебя там в полутьме нахожу,
Как находят тропу среди темного леса.

ПУТЬ

Ты прости меня, ты прости,
Что иду к тебе долго и трудно:
По мостам разметали настил,
Обобрала ватага приبلудная
И цыган за коня не скостил.

Ты прости, что тебя к Покрову
Не утешу неожиданным приездом,
Дней твоих безотрадных канву,
Порасцветенных слабой надеждой,
Я владычной рукой не прерву.

Ты прости меня, ты прости,
Что твое одинокое ложе,
Где давно уже жар мой остыл,
На холодную келью похоже
И подняться к молитве нет сил.

Но поверь мне, что ты, только ты,
Моих радостей грустная вестница,
Там, за далью последней версты,
Душу рвущей лампадкою теплешься
И мои воскрешаешь мечты.

* * *

Я жду тебя, медлительный июль.
Ты явишь чудо, рано или поздно,
И в тихих днях твоих проступит грандиозность
Разлукой тронутых вселенских струн.

Неспешных вечеров засветится свеча,
Ушедших радостей припоминанье,
И дивное, не знавшее названья,
Слиянье двух измученных начал.

МОЛИТВА

Сохрани ее, Боже, в затишье лесов
От всечасных набегов безрадостных мыслей,
В утешительных снах дни разлуки исчисли
И укрой за стеною молитв и постов.

И я верю, Ты, Господи, аще восхочешь,
Над ее головой станешь радугой светов,
Херувимским распевом брусничного лета,—
И тогда горечь слез ее синь не источит.

* * *

Твой светлый лик таит иносказанья
Рязанской достославной старины,
Как рукопись с утраченным названьем,
Как сладкий дым родимой стороны.

И по дороге к Сергиевой Лавре,
Вбирая сосен благостный покой,
Я видел, как закатами прославлен
Неизгладимо русский облик твой.

В постылости греховного плененья,
В разладе между жизнью и мечтой
Останется заветным утешеньем
Неопалимо русский образ твой.

Евгений Егофаров
(г. Барнаул)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Поэт, актер, режиссер. Автор стихотворного сборника «Акт первый: насильственный». Живет в Барнауле.

* * *

Пусть в головах стоит кухарка
и на глазницы сыплет соль,
я шевелю во рту огарком —
не сплюнуть с языка мозоль.
Ее всегда дурная кухня
с пробитым навзничь котелком,
огонь когда-нибудь потухнет,
залитый черным молоком.
Ведь как ни рви струну словами
и как ты ни пляши в слова,
не будет новою над нами
ни плесень звезд, ни синева.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, белее глины,
Источило ливнем длинным.
Замыкает сон ресницы,
Свои нервные седины.
У гробницы ли, у двери,
У нечерченной границы
Слышен только запах серы,
Скрип страницы Алигьери,
Стук подошв нетвердой веры,
Что изношены давно.
Мелкий дождь стучит в окно.
За окном вода не молкнет,
Под окном рябина мокнет.
Слышно, как одна из ягод,
Перелитых соком тягот,
Покатилась, сорвалась
В бриллиантовую грязь.
Нет ни голоса, ни гласа

У слезящегося глаза,
Только стук в жестянку таза.
Вот и ветер продувной,
Хоть и сам шумит волной,
Все же горло не промочит,
Ведь пуста глазница ночи
С закатившейся луной.
Снег лежит на талых листьях,
Сон глубокий в норах лисьих,
Смолкли птицы в разговорах,
Сон глубок в паучьих норах.
Первый снег, во сне повинный,
Не пройдя и половины,
С перевернутой страницы
Сыплет пепел журавлиный.
Половицы или двери —
Только дрогнули ресницы,
Это страх взаимной меры
Заставляет в сказки верить.
Ночь удушливее серы,
Стук в закрытое окно.
Хрупкий дождь умолк давно.
Лишь дыханье в талых листьях,
Сон глубокий в норах лисьих,
Слух остер об эту пору,
Глубже сна паучьи норы.

ОТ ЛИХОГО ЯЗЫКА

Провалившийся рот, будто хижина,
Под соломой седой стебель к стебелю,
У крыльца половицы просижены,
А фундамента — так и не было.
Там худые живут, нехорошие,
То ли косточки в них, то ли буквы,
От зубов они, что горошины,
Как от ворота, будто пуговицы.
Ой, бегут они впереди меня,
И страшней огня,
И лютей коня,
Ни сохи на них,
Ни засова нет —
Только ночь одна молчаливая,
Лишь про все на все у них есть ответ,
И слюна летит торопливая.
Как зубная боль,
На болоте выпь,
На язык мозоль,
Да на губы сыпь.
Все дворы мокры
От сырой воды,

Как захочешь пить,
Так полны следы
И доверху ковш, да еще ушат
Черной жабьей икры,
Да слепых мышат.
Мутнокожие, зверорылые,
Все текут слова в изобилии,
От бесед с тобой, снится, милая,
Как покойники курят лилии.
Как с лучом в руке
Я пойду к луне
И скажу луне:
«Отдохни на мне».
Загадаю свечу
И язык скручу,
Губы вокруг очерчу,
В поцелуе промолчу.
Будет конь на дыбы,
Будет сор из избы,
Будут прутья метлы пострижены.
Ну, а ты (имярек),
Замолчи навек,
Грубой ниткой свяжи двери хижины.

* * *

Вечер кружится, как свадьба домового,
Снег ложится тенью голубой.
Черной плетью тополя сухого
Гонит ветер тучи на убой.
На закат, на жертвенное пламя,
Где ножом скользит последний луч
Под нависшими над лесом животами,
Вспарывая горла снежных туч.
Лес густеет смоляною брагой,
Серый вечер почернел с лица,
Закружился, будет под корягой
Спать мятежно, трепетней птенца.
Есть глаза, которым слишком поздно,
Только им созвездия видны,
Даже если в укусе беззвездном
Пропадет жемчужина луны.
Рассыпают жертвенные тучи
Над землей гемоглобин скрипучий.
Ведь не отнято, хотя и не дано
Блеск воды перегонять в вино:
Я могу, перекрестившись кулаком,
Кровь ночную сделать молоком.
Чтобы алым языком рассвет лакал
Сливок вязь, что за ночь соткана,
Чтобы удивился облакам
Человек у ослепленного окна.

Максим Сафиулин
(г. Усть-Илимск)

Композитор, автор-исполнитель, певец, музыкант, играет на расческе и газете, как на музыкальном инструменте. Организатор и руководитель творческого объединения «СТИМУЛ», автор книги стихотворений, прозы и авторских песен «Дуэт» (Москва, 2005—2015 г.г.), книги стихотворений «Светлячок сильнее темноТы» (Новокузнецк, 2016 г). Руководитель народного ансамбля «Русская песня» и ансамбля «Илимские лучики», преподаватель Школы Искусств № 1. Лауреат международных конкурсов-фестивалей в России, Италии, Испании, США, Франции, Польше, Германии. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости». Финалист международной литературной премии им. А. Ахматовой и Гомеровской премии, победитель конкурсов «Молодежь в лицах», «Байкальская звезда», «Молодость. Творчество. Современность» и др. Награжден медалью «За активную гражданскую позицию и патриотизм». Член жюри городских музыкальных, вокальных, поэтических фестивалей и конкурсов. Инициатор проведения, сценарист, ведущий множества культурно-значимых проектов в городе Усть-Илимске.

ТИХАЯ ПЕСНЬ ТИШИНЫ

Тише, безумные! Хватит друг друга винить!
Жизнь ваша шумная рвет человечности нить.
Смыты безделием совесть, добро, чистота.
Гнев и похмелье. Жизнь совершенно не та.
Злые и гордые. Вам друг на друга плевать.
Как беспризорные — лишь бы поесть и поспать.
Тише, бездушные! Хватит нести ерунду!
Комнаты душные. Каждый как в пьяном бреду.
Лучше послушайте, как совершенно одна,
Взвыв от тщедушности, соло поет Тишина.
Песнь ее тихая. Тихая песнь Тишины,
Жаль, за шумихою мы этих нот лишены...

ВСЕ К ЛУЧШЕМУ!

Под ливнем все люди в нелепых плащах
Без племени.
И думать о всяких нелепых вещах
Нет времени.
Я, чавкая мокрыми кедами, мчусь

По гравию.
Куда-то спешу и куда-то стремлюсь...
А здравие? Его не найти и его не купить
За «еврики».
Легко его можно проесть и пропить
В истерике.
Здоровье свое пропивать не хочу —
Мне ближе чай.
И завтра звонить я не стану врачу —
Не ждет пускай.
Но знаю, совсем недалече мой дом —
За тучами.
Я счастлив и точно уверен в одном —
Все к лучшему!

НАДО ЖИТЬ

Солнце всем нам светит одинаково,
В этой жизни повидал я всякого.
Радость приходила или Грусть.
Ну и пусть.
Было все: и взлеты, и падения,
И потери, и вознаграждения.
Все, что помогает жить Добру,
Все беру.
Важно не роптать на неприятности.
Избегать проблемы и опасности.
Все, что нам Судьба сейчас дает,
Все в зачет.
Жизнь — она, конечно, штука сложная,
Прямо скажем, противоположная.
Все равно, что будут говорить,—
Надо жить!

ЖИЗНЬ БЕЛОГО ЛИСТА

Альбомный лист.
Его жизнь не затронута.
Он бел и чист.
И пером не проколотый.
Не знает он,
Что с ним сделают в скорости.
Со всех сторон
Ожидать можно подлости.
Сожгут, порвут?
Или может быть вывезят?
Зачем он тут?
Пригодится иль выбросят?
Он для кого?
Для поэта? Художника?

Куда его?
В руки Ламы? Безбожника?
И где ответ —
Лист бумаги не ведает.
Сомнений нет —
Скоро гибель последует.
Вошел малыш,
Улыбнулся всем ротиком:
— Ага, лежишь?
Быть тебе... Самолетиком!
...И белый лист
Без души и без голоса
Под ветра свист
Полетел аэробусом.

ФЕВРАЛЬ-ХУДОЖНИК

Ты задумчиво и загадочно
Смотришь вдаль,
Смотришь ласково — в платье праздничном —
На Февраль.
Он всю улицу разрисовывал
Для тебя.
Белым инеем окольцовывал
Голубят.
Пишет ласково он нелепицы
На окне.
И с тобою мечтает встретиться,
Хоть во сне.
Он рисует картины преданно —
Как всегда.
Пусть шедевры его и временны —
Не беда.
И пускай он слегка застенчивый,
Но влюблен.
Все картины тебе доверчиво
Дарит он.
Как хотел он тебе понравится,
Тот Февраль.
А забудешь его, красавица,
Будет жаль.

ЛИВЕНЬ

Ливень сегодня на редкость упрямый.
А я без зонта.
Мысль пролетает пустой телеграммой —
Легка и проста.
Вроде понятна, вполне позитивна,
Но кто адресат?

Стало тоскливо и даже обидно.
Но кто виноват?
Ливень — вода. На него обижаться,
Что с зеркалом пить.
Было когда-то и мне восемнадцать,
Был гонор и прыть.
Стал я все реже вставлять ногу в стремя.
Все больше пешком.
Ливню плевать на болезни и время.
Пройдусь босиком.
Я наступаю в холодные лужи.
Дождинок ловец.
Ливень пройдет. Ему, бедному, хуже.
А я — молодец!

О РАБОТЕ

* * *

Если начальник вдруг вежлив и мил,
Шутит, и бегаёт радостный глаз.
Нет, ничего он сегодня не пил.
Скоро уволят его или вас.

* * *

Умей работать — нет девиза проще,
Чтоб в холодильнике имелось продовольствие.
А рядом жить должна такая теща,
Чтоб на работу торопиться с удовольствием.

* * *

Когда Господь не слышит гласа человеческого,
Нет смысла спорить нам с устоями системы.
Когда начальнику бывает делать нечего,
У подчиненных начинаются проблемы.

* * *

Мы ищем утешение в улыбках,
Но нужно знать всему на свете меру.
Мы учимся на собственных ошибках,
А на чужих мы делаем карьеру.

* * *

Не балуйся напитками спиртными —
Наутро будет худо с головой.
И чтобы не работать под другими,
Начни скорей работать над собой.

* * *

Ну, наконец рабочий день прошел!
Люблю начальника: и мимику, и жесты...
Ведь о начальстве или хорошо,
Или иди искать другое место.

* * *

Будь с начальством мягким,
Добрый, терпеливым,
Но простую истину
Ты не забывай:
Если на работе
Стал незаменимым,
То о повышении
Даже не мечтай.

* * *

Не хватает времени для мыслей и идей.
Хоть и говорят, что мир не прост.
Фраза «ЗА РАБОТУ!» больше радует людей,
Если произносится, как тост.

* * *

Мы верим, что наступит поворот,
И мы опять забудем о досаде.
Надеюсь, чтобы движение вперед
Не стало результатом пинка сзади.

* * *

Ничто так не бодрит, не вводит в панику,
Будь ты на суше, в воздухе, в воде,
Как sms-ка утром от начальника
С вопросом его добрым: «А ТЫ ГДЕ?!»

* * *

В яростном споре начальство браня,
Словно туземец из племени,
Я победил! И теперь у меня
Куча свободного времени.

* * *

Я столько слышал об офертах
И вам заявляю в стихах:
Я против зарплаты в конвертах!
Платите зарплату в мешках!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВСТРЕЧА

«Завтра, завтра, завтра!» —
Сверлит в голове.
Я приду внезапно.
Я приду к тебе!

Ты откроешь двери,
Впустишь в дом меня,
Любишь, ждешь и веришь,
Нежность не тая.

Все в цветенье мая.
Белая метель
Лепестки срывает
На твою постель.

Любящие знают —
Только по весне
Ангелы летают
С ними на Земле...

* * *

Все тот же мир, все та же осень в окнах,
Все те же листья падают в траву.
И под дождем давно уже промокли
Уставших кланов ветви поутру.

На волоске, на краешке Вселенной
Моя душа висела, не любя.
Но ты пришла, единственной и первой
На целом свете стала для меня.

И боль прошла, и боль моя исчезла.
Воскресший к жизни, воздух я вдыхал.

И свет любви, божественный и нежный,
В уставшем сердце радостно сиял.
На много лет, на множество столетий
С тобою мы в любовь погружены.
Через века увидят наши дети,
Как мы с тобою были влюблены.

КОМЕТА

Какая яркая комета
По небу звездному летит!
Отставив только след из света,
Вся без остатка догорит.

Ты в миг падения кометы
Желанье загадай себе.
И станет жизнь твоя согрета
Счастливым отблеском в судьбе...

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск)

О ГРАНИЦЕ С ЛЮБОВЬЮ

Постоянный автор журнала «Приокские зори».

ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Я фуражку достаю,
Мысли вереницей,
И у зеркала стою,
Как перед границей.

Хоть судьба злодейка, но
Службой одарила,
А зеленое сукно
Без вина взбудрило.

* * *

Застава позабудется навряд,
Мне службу вспоминать всегда охота.
И вот уже опять — пограннаряд,
Ведет вперед лыжня через болото.

И будут буреломы, крутизна...
Краснеют щеки у ребят от спешки.
Вокруг — без горизонта белизна,
Чернеют лишь осиновые вешки.

ФИНСКАЯ ГРАНИЦА

Бессонница меня вновь давит глыбой
И я опять с границею вдвоем,
Где множество озер с обильем рыбы,
Таежных чащ с непуганым зверьем,

Где тропы до извилинок знакомы,
На коих я в нарядах мерз и мок,
Тоскуя по родительскому дому,
Что позабыть за столько лет не смог,

Где горизонт еще синей от сосен
И надо мной не отпускает власть,
Где сопка поднебесье преподносит
И где меня застава заждалась.

И будит память финская граница,
Высокий у нее авторитет!
Да зря сюда моя душа стремится —
Былых друзей-товарищей тут нет.

ПОГРАНИЧНЫЙ СТОЛБ

Не просто встал, а стал он дивом:
В мороз и знойною порой
Стоит на зависть всем служивым,
Что вкопан тут в земле сырой.

И на него садятся птицы,
Крадутся псы к нему тайком...
Поставлен столб не на границе,
А в нашем парке городском.

Аттракционная вещица,
Певцов он видел и «пивцов»,
Пусть далеко от нас граница,
Здесь место встречи погранцов.

Он знает многие секреты
И стольким рассказням внимал,
Но день и ночь молчит об этом,
Хоть и расписок не давал.

ПЕРВЫЙ ДОЗОР

Не зря июль тот в памяти хранится
И, как сейчас, хоть столько лет прошло,
В дозоре я на линии границы,
А солнце так безжалостно пекло.

Рот пересох, язык шершав, как терка,
Под рацией спина — как не моя,
От пота почернела гимнастерка
И нет спасенья в тучах комарья.

Давно уже утихли разговоры,
Во фляге нет ни капельки воды.
В болоте, не найдя земной опоры,
Ложатся в мох усталые следы.

ПОГОНЯ

Вовек не забуду забега:
Был май, но полно еще снега,

Почти бесконечно болото
И я — полузрячий от пота

Не корчил собой патриота,
Пытаясь настигнуть кого-то,

А думал, горя и горя:
Вот, если его догоню я?

ПРАЗДНИК

И до нас жизнь так вершилась,
На границе это — свято.
Все вокруг прихорошилось,
Посерьезнели ребята.

Просто, сдержано и мило...
В кухне — смачное шипенье,
Время ход остановило
И не спрячешь нетерпенье.

В буднях праздники бывают!
Нынче — смена поколенья:
На заставу прибывает
Молодое пополнение.

ЧЕРНОТРОП

Не забыть этой жизненной школы,
И опять до утра бедовать.
Ветер влез в рукава и под полы,
Неприветна осклизлая кладь.

Лунный отсвет никак не пробьется
И дождяря наряд исхлестал.
Вся надежда теперь остается
На собаку, АК и «Кристалл»*.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я пограничный старый пес,
Я — ветеран заставы,
Здесь дни и ночи службу нес
Не для хозяйской славы.

* Кристалл — сигнализирующий прибор.

«В ружье!» — бежал быстрее всех,
Не думая лениться:
Зависел от меня успех
В охране госграницы.

Так пролетели десять лет,
Как будто бы приснились,
Простыл моих вожатых след —
Пять человек сменились.

И вот состарился теперь,
Я не такой удалый,
В моем вольере новый зверь —
Кутенок годовалый.

А мне туда, где бурелом.
Инструктор глянул воров
И отвернулся, плюнул зло,
И клацнул вдруг затвором...

НА МОРОЗЕ

От стужи трескаются сосны.
В полночном звоне тишины
Мерцают звезды, будто блесны,
Седая дымка вкруг луны

Засеребрилась в тусклом свете,
Не предвещая новизны.
Давно уснули все на свете
И видят радужные сны.

А тут, как змей сорокоглавый,
Мороз кусает, щиплет, жжет.
И часовой покой заставы,
Как приведенье, бережет.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Даже месяц у памяти — вор,
Только мне все бывшее милее:
Вот в парилке ведем разговор,
От брусничного морса хмелея.

А потом радиола поет
Про глаза и про синюю птицу,
И покоя душе не дает
Та, что каждую ночью мне снится.

НОВЫЙ ГОД

Новый год забудешь неужель?!
Прошлое — достойно уваженья.
С осени присмотренная ель
Сразу стала центром притяженья,

В «ленинскую комнату» зовет.
Повинуясь ей без протокола,
Полночь в небе звездами цветет
И сердца заводит радиола.

Будто явь предстала сладким сном.
И какао в кружки всем налито.
И мечтает каждый об одном:
Станцевать с женою замполита.

* * *

Бессонница. Опять мне маета,
Гляжу на фотоснимок из альбома.
Тогда в тот день сбылась моя мечта
И был не на заставе я, а дома.

Все в будущем: подруги и друзья,
Идержки предоставленной свободы...
Но первое, о чем подумал я:
Как постарела мать за эти годы!

Александр Норенков
(г. Дзержинск, Нижегородская обл.)

Родился в 1959 году в Горьком. Член Российского союза писателей; член литературного клуба «Огонек Рубцова» (г. Дзержинск, Нижегородская обл.). Автор литературных сборников: «Окский стиль», «Музыка души», «Своя земля». Публикации: «Альманах Российского союза писателей» (г. Москва), литературный журнал «Союз писателей» (г. Новокузнецк, Кемеровская обл.), еженедельник «Дзержинское время» (г. Дзержинск, Нижегородская обл.).

«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Вьется Воронка игривою лентой:
Солнце Поляну ласкает. Тепло.
Мостик чрез реку, туманом объятый,
Тихо вздыхает. Всплеснуло весло.

Леди-березы — кудрявые девы,
Косы раскинув, под солнцем стоят.
А в небесах, негу дарящих, слева
Стаями птицы к закату летят.

Лес молчаливый — старик, долгожитель,
Графа сторонник, сподвижник идей...
Тенью влечет. Он загадок хранитель;
Манит к себе он достойных людей.

Звуки усадьбы чаруют сознание,
Иволги пение душу пьянит.
Гений здесь людям назначил свиданье:
Думает, пишет, лукаво молчит.

Помнит природа великого старца,
Здесь он с Тургеневым дружбу водил.
К тополию старому с радостью в сердце
Он на заре потихоньку ходил.

Вечер спускается: дремлет Поляна;
Прячется в зелени кучер-изба.

Ухают совы... Из мрака-тумана
Вышла на стражу колдунья луна.

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

Вечер крадется в листве невидимкой,
Тает в закате волнуящем день.
Грустно вздыхая, сверкнула росинка;
Жметя к оврагу усталая тень.

Ветер-гуляка под мостик улегся;
Сеном стог пахнет, уютно, тепло.
Месяц веселый на небе смеется,
Блещет алмазами речки стекло.

Звезды готовятся ярко зажечься:
Тихо в окрестностях, лег полумрак.
Ночь темноликая хочет развлечься,
Хочет залезть на часок в буерак.

Легким туманом укрылась дорога,
Дремлет она в предвкушении сна.
Рядом, с обочины, словно с порога,
Смотрит в вечерние дали сосна.

Озеро-зеркало в сон погрузилось,
Луг разнотравный неволью затих.
Роще нарядное утро приснилось,
Пишет закат удивительный стих.

Вечер наш эту поэму читает,
Слушает стих черноглазая ночь.
Месяц-красавец на небе мечтает,
Рядом с ним звездочка — лунная дочь.

Эта идиллия красок и жизни
Взгляд покоряет. Волнуется кровь.
Пусть отдохнут, успокоятся мысли!
Пусть загорится святая любовь!

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Заискрились березы узором,
Легким шелком одело поля.
За склонившимся старым забором
Засверкали огнем тополя.

Еле слышно дымком потянуло,
Захрустел под ногами ледок.
Первым снегом калитку задуло,
Наклонился под ветром дубок.

А вдали, за сребрящейся гранью,
Льдом покрылась игрунья река.
С подоконника пахнет геранью,
Сняли валенки всем с чердака.

Рыжий пес, кость замерзшую чую,
Страстно роется в белом снегу.
Старый лист, по оврагу кочуя,
Ищет лежбища на берегу.

Стая галок на поле чернеет,
Кочки пашни торчат хохолком.
В эту пору уж рано темнеет,
И не грех бы погреться чайком.

Погружаясь в безмолвье лихое,
Спит природа, как будто дитя.
Это время совсем не простое,
Спит кормилица наша земля.

ЭЛЕГИЯ ДУШИ

Удивляют красотой горные края,
Их покинул я весной, грусти не тая.
Это чудо невозможно в памяти стереть,
На него, как на икону, можно век смотреть.

Бриллиантовая нежность белогривых гор,
Как волшебное виденье, покорила взор.
Кровь моя соединилась с водами реки,
Не могу я на прощанье приподнять руки.

Сердце бьется от волненья, душу теребя.
Горный край неповторимый, я люблю тебя!
Без твоих красот невинных будет тяжело,
Буду помнить скал отвесных белое чело.

От волнения и жажды все внутри горит...
Если б был сейчас я рядом, то сырой гранит
Остудил бы мою душу, плоть охолодил;
Он добавил бы мне разом стойкости и сил.

Увожу с собою образ вечной красоты:
Неги млечной, тайны полной, колкость высоты,
Остроту вершин, прохладу, пышность облаков...
Горный край, к тебе вернуться я всегда готов.

РОЖЬ

Вьется лентой в поле пыльная дорога,
Пахнет свежим хлебом золотая рожь.
Землю обласкала чудная погода,
День на радость людям выдался хорош.

Небо рожь одело нежною косынкой,
Слился с горизонтом бархатный ковер.
В колоске сверкает чистая росинка,
А вокруг пылает золота костер.

До чего же эта райская картина
Умиляет душу, удивляет взор.
У дороги гнется тонкая осина,
А под ней ромашки создают узор.

Это ли не радость? Это ли не диво?
Русская природа сердце веселит.
Ах, как это мило, нежно и красиво!
Ах, от этой сказки все внутри горит!

Ветерок гуляет гордо по просторам.
Колоски качает, мечется во ржи.
С ней ведет веселые речи-разговоры,
А вокруг бушует океаном жизнь.

В вышине летают, словно искры-стрелы,
Быстрые, как ветер, юркие стрижи.
В небе бесконечном мечутся без меры,
Им легко даются гонки-виражи.

В небе всласть смеется диск разгоряченный,
Рожь пылает цветом хны и янтаря.
Видит это чудо холмик удивленный;
Повесть день закончил, близко уж заря.

Это ли не радость? Это ли не диво?
Свет нам посылают сверху небеса.
Сердце взволновала золотая нива.
Рожь — ты пламень жизни! Русская краса!

Алена Алещенкова
(г. Москва)

Алена Алещенкова родилась и живет в городе Москве. Окончила Московский Педагогический Государственный университет по специальности практический психолог-консультант. Длительное время работала в социальной сфере. В настоящее время воспитывает маленькую дочку и сына, занимается творчеством. Стихи писать начала в юности. В 2015 году в издательстве «Образ» вышла первая поэтическая книга автора — «Яшенька».

МУЗЕ

Игривая муза, веселый ребенок,
Резвишься ты рядом на пестром ковре
И, кажется, вовсе пришла не ко мне.
Хитра ты, а вроде едва из пеленок.
На локоне бабочка, яркий венок,
Кудрявые волосы детские мягки,
Ты снова толкаешь к перу и бумаге
И, топая ближе, садишься у ног.
Смеешься над рифмой, капризная дама,
Сегодня ты в духе жестоко шалить,
Однако тебя не могу не любить.
Но, Боже мой, как ты сегодня упряма!

НОЧНОЕ

Темное небо, как синие очи,
Дочки Земли, пробудившейся ночью,
Пристально смотрят, как гаснут закаты,
Словно в отчаянье солнца утраты.

Дрожь пробегает по коже вселенной —
Ночь наступает законом нетленным,
И по щекам луноликой богини,
Слезы скользят, превращаясь в святыни.

Воздух застывший зеркальный и звонкий
Слушает ночью дыханье ребенка,

Птицей садится на спинку кровати,
С бликом луны наигравшийся в прятки.

Но подвенечное платье рассвета
Звездно жемчужное, сшитое летом,
Утро наденет и улыбнется.
Дочка земли вместе с солнцем проснется.

СТАРАЯ СКАЗКА

Серые скалы над морем, над бурей,
Словно старухи, над бездной колдуют.
Жалкий и острый осколок луны
Словно венчает оплот тишины.
Замок на скалах, как рыцарь седой,
Грозный, застывший, уже не живой.
В замке живет по преданиям Смерть.
Люди боятся на замок смотреть.
Те, что в деревне у моря живут,
Сказку про замок в веках берегут.
Старая сказка нужна и важна:
Людам надежду вселяет она —
В то, что не вечна старая Смерть,
В то, что придется и ей умереть,
И после ночи наступит рассвет,
Снова вернется утренний свет.
Может быть, правда, может быть, ложь,
В старых приданьях разве поймешь!
Только о вечном вещает молва.
Старая сказка поныне жива.

Серые скалы над морем, над бурей,
Словно старухи над бездной колдуют.
Жалкий и острый осколок луны
Словно венчает оплот тишины.
Небо разверзлось дождем беспрестанным,
Ветер дышал тяжело и туманно,
И настороженно среди тишины
Звезды смотрели на гребни волны.
Фыркает конь, косит глазом во тьму.
Люто и страшно среди ночи ему.
Топчется, кружит, не чуя узды,
Молится свету полярной звезды.
Всадник глазами стремится сквозь ночь,
Тусклые звезды не в силах помочь.
Где затерявшийся путь сквозь туман?
Млечных путей беспросветный обман.
Мокрый до нитки, пальцы как лед,
Он без дороги мчится вперед.
Кажется, ночь эта тысячу лет,

Кажется, будто потерял рассвет,
Божьего света не видят глаза,
Дождь все сечет по лицу, как лоза.
Вдруг сквозь ненастье забрезжил огонь,
Духом воспрянул испуганный конь,
Всадник, пришпорив его, увидал,
Замок, застывший в расщелине скал.
Светятся окна, и в страшной ночи
Тихая музыка в замке звучит.
Славные мысли рассудок томят,
Гонит и шпорами бьет он коня.
Вот уж на всадника свет из окон
Льется и смотрит взволнованно он:
Возле ворот, так нежна и мила,
Дева с глазами темнее, чем мгла.
Спешившись, всадник к хозяйке идет
И в поводу вороного ведет.
— Кто ты? — чуть слышно спросила она.
— Странник я, милая дева-луна.
Рыцарь бескрайних путей и дорог,
Бог только знает, как я одинок.
Дева, меня в эту ночь не гони,
В дом пригласи, обогрей, накорми.
Конь мой бессилен, и я чуть живой.
Сжался, богиня ночей, надо мной!
— Что же в обмен? — улыбнулась она.
— Все, что попросишь, дева-луна.
— Что ж, дам приют для тебя и коня,
Только в ответ ты полюбишь меня.
Путнику сделка пришла по нутру:
— Видно, сегодня я здесь ко двору,—
Думает он и, скрывая восторг,
К странному замку идет на порог.
Холод ступеней окутала мгла,
Дева шелковый повод взяла,
Конь, испугавшись, повод из рук,
Словно безумный, выдернул вдруг.
Бьет он копытом, встает на дыбы,
Глазом косит, и тумана клубы
Стройные ноги топчут в пыли,
В ночь посылая комья земли.
Только взглянула, и конь присмирел,
Словно не видит молнии стрел,
Словно не слышит грома, и вмиг
Точно тряпичный он сдался и сник.

В залах просторных бархат и пыль,
В каждом смешались сказка и быль,
Мраморный пол, холод каменных стен,
Сотни надежд, превратившихся в тлен.

Сотни свечей губят мрак и дрожат,
Странные тени на стенах лежат,
И каждый звук в этих залах рожден,
Эхом веков отражается в нем.
Только не смотрит странник вокруг,
Что-то случилось со странником вдруг.
Пьет, не пьянея, вино вновь и вновь:
Ново ему это чувство — любовь.
Дева порхает птицей ночной,
Манит, смеется, зовет за собой.
Теплые, сладкие губы ее
Шепчут, клянутся, зовут в забытье.
Нежно и страстно сомкнулись уста,
Словно вселенная стала пуста,
Звуки утихли, померк свет свечей.
Странник с колдуньи не сводит очей.
Молнии вспышки — как гнев ста богов.
Не разорвать ему липких оков.
Встретились взгляды, руки сплелись.
Чувства колдуньи огнем занялись.
Сколько она погубила сердец —
Знают лишь волны да мрачный дворец.
Души несчастных навеки взяла,
Волны морские скрывают тела.
Пеною грозной ползут на скалу
Темные волны, рождая молву,
Будто бы в стенах, холодных, как лед,
Смерть одинокою девой живет.
Шепчут они, раскрывая секрет,
То, что из стен этих выхода нет.
Знают свидетели страстных ночей
Белые кости на дне среди камней.
Только забрезжит над замком рассвет,
Только зажжется божественный свет,
Юный любовник, что сладко так спит,
Будет желаньем колдуньи убит.

Вот заалел горизонт над водой,
Небо простилось с последней звездой,
Сил набираясь, очнувшись от сна,
Ждет свою страшную жертву волна.
Ждет и играет пеной морской,
Бьется о камни с безумной тоской.
День молодой сотворила весна,
Только природа вокруг замка грустна.
В спальне колдуньи открыто окно,
Юное солнце встречает оно,
Птиц голоса тянут нежный мотив,
Только любовник по-прежнему жив.
Спит он глубоким и сладостным сном,

Тем, что несет пробужденье потом,—
Нет, не коснулась закрытых очей
Смерть ледяною рукою своей.
Смотрит колдунья, ступив на балкон,
Как совершается вечный закон,
Как зарождается новый рассвет,
Смотрит впервые за тысячи лет.
Словно смывая проклятья веков,
Падают слезы со звоном оков
И, разбиваясь, рождаются вновь.
Плакала Смерть, превращаясь в Любовь.

Может быть, правда, может быть, ложь,
В старых рассказах разве поймешь.
Только недаром вещает молва,
Будто Любовь и поныне жива.

Александр Чаев
(г. Тюмень)

ЗАТМЕНИЕ

Родился в г. Прокопьевске Кемеровской области. Стихи пишу с юности, но все «в стол». Лишь недавно издал две небольшие книжки. В настоящее время проживаю в г. Тюмени, работаю обычным рабочим.

Мой разум долго был в затменье.
Я путал ночь со светом дня
И все большие потрясения
В стране случались без меня.

Мой поезд бытия тянулся
В каком-то мрачном полусне,
Порой, казалось, я очнулся,
Но это лишь казалось мне...

Но вот однажды, утром ясным,
Я встрепенулся. Поезд встал.
Мне показался мир прекрасным,
Авроры ранний луч блистал.

У окружающих спросил я,
Спускаясь с яруса на пол:
— Какая станция?
— Россия!
Я чуть смутился... и сошел.

Как хорошо, руки стараньем
Смахнуть с ресниц недавний сон,
И в сердце с тихим трепетаньем
Шагнуть на каменный перрон!

Как хорошо, после забвенья,
Увидеть рощи и поля;
В знакомом городе — строенья,
Когда-то знавшие тебя!

Все те ж троллейбусов рогатки,
Пивные бочки на углах...
И «войны» детские, и прятки,
В покрытых мусором дворах...

А день все больше разгорался,
Ни тучки в синих небесах!
Незримо маятник качался
На вечных, призрачных часах...

Жарю огненного глаза
Томило солнце горожан.
В киосках жители Кавказа
Расположились тут и там.

Вокруг народ сновал заботный.
Я не спеша себе шагал.
В киоске смуглый парень потный
Гнилые фрукты предлагал...

Получше яблоки видали!
Но находились чудачки,
Отдав «десятки», набивали
Авоськи, сумки, рюкзаки...

А вот и наши постовые!
Их старшина, похоже, пьян.
Он, не стесняясь, «откупные»
Сует в немереный карман!

Он вряд ли попадет на нары,
Оплот начальству своему,
Ведь львиной доли «гонорары» —
Порука верная тому!

С прохожим я разговорился:
В безлюдье жил, мол, одичал...
Он мне поведал, что разбился
«Линкор» советский о причал...

— Россией нынче правит Ельцин,
Он перевертыш, мот и хам!
Ему германский «Алко-Зельцер»
Медсестры носят по утрам!

Летят и «замы», и министры,
Как с тополей осенний лист!
И все, кто на руку «не чистый», —
Был прежде ярый коммунист!

Он людям горы золотые
Сулит уже который год,
Но речи все его — пустые,
Как от медведя рамки сот...

Он предал Ленина заветы —
С Урала бывший Секретарь —
И мощную страну Советов
Бездумно бросил на алтарь!

Продали Русь — китайцам, немцам,
Продали даже небеса,
И подрядились к иноземцам
Свои ж выпиливать леса!

Колхозы бросили, забыли,
И земли пахотные то ж;
Скотину бедную пустили
Без всякой жалости под нож!

Теперь зарплату месяцами
На производствах не дают:
Директора при этом сами
Не хуже цезарей живут!

А на экране что творится?!
Мне поколение наше жаль! —
Все ненавидящие лица,
Все сатанинская мораль!

А дети наши? — Наши дети
Бесцельно бродят по земле
И, презирая все на свете,
Сгорают спичкой на игле!

Мы жить могли б куда достойней!
Афганистан... теперь Кавказ!
В развязанной «верхами» бойне
Намного меньше стало нас!

Война... Зловещий вой и скрежет!
Чем служба — лучше уж тюрьма!
Солдат, как скот, нещадно режут,
Взрывают школы и дома!

Случилось что с народом нашим? —
Насилуют, калечат, жгут,
И никому теперь не страшен
Ни наш людской, ни божий суд!

Старуха-смерть повально косит
И стариков, и молодежь,
В кармане чуть не каждый носит
Не пистолет, так острый нож!

Такое видел мир едва ли:
Грабеж повальный на Руси
«Приватизацией» назвали
И на бесчестье обрекли!

При коммунистах жили плохо,
При власти нынешней — втройне!..
Внезапно взрыва гулкий грохот
Волной ударил в уши мне!

«Да ты не бойся! — рассмеялся
Рассказчик мой, и продолжал
(Но я ничуть не испугался —
И не такое я видал!):

— Наверно, это рэкетеры
Заезжих торгашей трясут! —
Что люди сеют в этом мире —
То обязательно пожнут!..

Теперь по «турциям» летают
Не спекулянты — челноки:
Товар дешевый набирают
И прут в Россию в две руки!

И продают здесь втридороже,
Имея неплохой навар...
(Увидел сам я это позже —
Как все, ходил я на базар).

— ...Английский спешно учат, идиш...
Наговорился я, пойду!..
— Ты скоро все и сам увидишь,
Мы не в России — мы в аду!

И он ушел, чуть-чуть хромая,
Свидетель безутешных дней.
А я, на новый мир взирая,
Пошел дорогою своей.

От слов его — мороз по коже!
Мне было жаль мою страну...
Неужто и Россия тоже
Союзом рухнет — и ко дну?

Я посещал когда-то тирь,
Научен с юности стрелять:
Мне, может, тоже в рэкетирь?
Иль в челноки — и торговать?

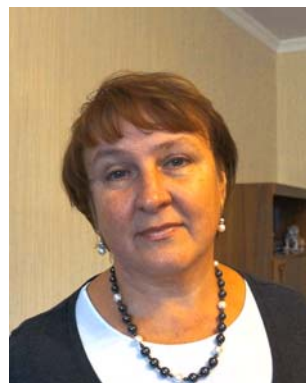
Ведь в жизни, странностью влекомый,
Я, как и многие, дурил...
Но мне хороший мой знакомый,
Как в назиданье, говорил:

«Не запрягай чужие сани,
В калачный ряд не суй свой лоб,
Сегодня ты — как сыр в сметане,
А завтра — упакуют в гроб!

Ведь воля есть на все Господня:
Кому — разбой, кому — ларек...».
Кого бы Лермонтов сегодня
Героем Времени нарек?..

Татьяна Сушенцова
(г. Казань)

Татьяна Сушенцова по специальности врач. Живет в городе Казани. Работает в Центре восстановительного лечения детей-инвалидов. Член нескольких литературных объединений. Ведущая литературных мероприятий и вечеров при Государственном музее ИЗО РТ. Автор сборников поэзии «В печали светлой покаянья», «Признание», «Малышам и взрослым», «Я буду говорить тебе о главном». Стихи поэтессы Татьяны Сушенцовой опубликованы в сборниках «Галерея», «Надеждою дышу», «Моя Казань! — сказать имею право», «Во имя жизни», «Звездный дождь», в литературных журналах города Казань. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

МЕТЕЛЬ

Мела метель, качели и скамейки
В сугробах утопали во дворе,
И белые, растрепанные змейки
Носились по взволнованной земле.

А ветер заунывной, дикой песней
Вносил такой мучительный разлад,
Что ходуном ходило поднебесье,
Фальцетом подвывая невпопад.

Мела метель, то глухо, монотонно,
То, озверясь, метала и рвала,
А мне была до странности знакома
Гудящая, заснеженная мгла.

Нет, не далеких зим воспоминаньем,
Ни вещим сном, ни тронутой струной,
А словно оживающим преданьем
Иных времен, реальности иной.

Костром в ночи, тоской озябшей плоти,
Тенями в полумраке на стене,
Языческой покорностью природе,
Невесть откуда взявшейся во мне.

И мнилось, что неведомые предки,
Войну стихий познавшие сполна,
В моей душе, в крови и в каждой клетке
Оставили когда-то письма.

Я шла сквозь мрак, себя одолевая,
По бездорожью, к дому напрямик,
И чашка обжигающего чая
Была всего желанней в этот миг.

А ветер выл, пурга меня слепила,
Я в дверь едва протиснулась извне
И весь напуганный бушующего мира
Лег новой строчкой где-то в глубине.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

Еще с утра мела метель,
Накрыв просторы серой мглой,
И лес рассерженно гудел,
Качая старой головою,

Что разбудили ото сна.
Но все к полудню изменилось:
Как будто юная весна
На звонкой тройке прокатилась

И, проломив некрепкий лед
Высокой облачной завесы,
Куда-то унеслась вперед
В своих нехитрых интересах.

И небо — вскрытая река,
Поплыло вдаль, забыв о бури,
И островками облака
В скупых проталинках лазури.

И свод, окрасив синевою,
Раздвинув узкие оконца,
Живой слепящею ладьей
Из глубины явилось солнце.

БЕССОННИЦА

Беспокойно. Мне не спится.
Что за мука с головой?!
Будто скачет колесница
По бульжной мостовой.

От раздумий нет спасенья,
Ночь замедлила свой шаг,

Мысли камнем преткновенья
На пути ее лежат.

Вот как — будто забываюсь,
На мгновенье тает шум,
И... обратно возвращаюсь
В бездорожье этих дум.

Все что спрятано, забыто
Выползает из щелей
И плутает в лабиринтах
Бедной памяти моей

С напряжением недуга
Обреченного слепца —
И по замкнутому кругу
Без начала и конца.

Скоро утро, мне не спится
И, наверно, не уснуть;
Сердце раненою птицей
Бьет и бьет тревожно в грудь.

ЯЗЫЧНИЦА

Она о дочери молила,
А Он безмолствовал в ответ,
Она стенала и вопила,
И неотступно шла во след.

Казалось ей, что Он не слышит
В разноголосице людской
И крик язычницы все выше
Летел и бился над толпой.

Уже апостолы взывают...
Но Он сказал ученикам —
«Хлеб у детей не отнимают,
Чтоб в расточеньи бросить псам».

И встала женщина пред Богом,
Вдруг дерзновенье обретя —
О, Господин, и псы по крохам
Объедки с трапезы едят.

И удивились все без меры,
И Он сказал ей, наконец,—
О, женщина, великой веры
Ты здесь явила образец.

Иди, закончились страдания,
Сбылось желание твое,—
И в тот же миг от беснованья
Господь избавил дочь ее.

НАШИ ГОДЫ

Наши годы как синие реки:
То стремнина, то тихая гладь,
А быть может, дороги, где вехи,
Понаставлены весны считать.

Наши годы как вольные птицы —
Все куда-то летят, торопясь,
Или нить, что в руках кружевницы
Выплетает ажурную вязь.

Годы, с вами я спорила много,
Заплутав в убежденьях своих,
Но сегодня вас жду у порога
Как желанных гостей дорогих.

Через призму незыблемых истин
Словно жизнь открываю свою,
Заходите, друзья, заходите,
Поименно вас всех узнаю.

Все, что тяжкою ношей лежало,
Растворилось вдали не спеша,
Отболело, ушло, отстрадало,
Видно, с прошлым смирилась душа.

Наши годы — жемчужины знаний,
Мудрость, опыт и веры зерно;
Пусть река полноводнее станет,
А у птицы окрепнет крыло,

Чтобы с трудной дороги не сбиться
И по вехам идти, не кружить,
Чтобы долго еще кружевница
Свой узор не могла завершить.

